

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/awvenw>

Идеологическая маркировка лексических единиц в религиозных текстах экстремистско-террористической направленности (по материалам аудиозаписей членов ИГИЛ¹)

Сандлер Павел Владимирович

Уральский государственный педагогический университет, Россия, Екатеринбург

<https://orcid.org/0000-0002-1504-8256>

pavelsandler67@gmail.com

Аннотация: В статье рассмотрены лексико-семантические особенности религиозных текстов экстремистско-террористической направленности на материале аудиозаписей членов организации «ИГИЛ-Хорасан». Цель – проанализировать языковые средства, используемые для формирования и распространения идеологии терроризма в религиозном дискурсе. Научная новизна исследования заключается в разработке комплексного подхода к анализу лексико-семантической структуры религиозных текстов экстремистско-террористической направленности на материале аудиозаписей членов ИГИЛ и его новаторском применении к анализу экстремистской лексики в конкретных языковых средах – фарси и дари, что открывает новые возможности для лингвистических исследований в области изучения языка экстремизма и контртеррористической деятельности. Осуществлена систематизация и описание лексико-семантических индикаторов экстремизма с учетом их идеологической обусловленности, специфической оценочности и прагматической направленности. Выявлены и проанализированы механизмы аксиологической инверсии (трансформация ингерентной негативной коннотации в адгерентную позитивную через сакрализацию / героизацию) и адгерентной негативной маркировки нейтральных лексических единиц (дегуманизация этнонимов / политонимов). Установлена специфика функционирования лексики как субъектов и объектов террористического действия для мобилизации и демонизации. В результате обнаружено, что использование манипулятивных лингвистических стратегий, таких как манипулирование значениями слов, создание специфических семантических полей и использование оценочной лексики, приводит к конструированию искаженной картины мира, оправданию насилия и формированию радикальной идентичности. Выявленные лексико-семантические индикаторы могут быть использованы для разработки методов противодействия распространению экстремистской идеологии.

Ключевые слова: дискурс, идеология, экстремизм, терроризм, риторика экстремизма и терроризма, лексико-семантические индикаторы, аудиозаписи, фарси, дари

Цитирование: Сандлер П. В. Идеологическая маркировка лексических единиц в религиозных текстах экстремистско-террористической направленности (по материалам аудиозаписей членов ИГИЛ). *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2025. Т. 4. № 4. С. 329–343. <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-4-329-343>

Поступила в редакцию 17.10.2025. Принята после рецензирования 10.11.2025. Принята в печать 12.11.2025.

¹ «Исламское государство» признано террористической организацией, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

full article

Lexical and Semantic Markers in Extremist and Terrorist Religious Texts: Audio Recordings of ISIS² Members

Pavel V. Sandler

Ural State Pedagogical University, Russia, Yekaterinburg
<https://orcid.org/0000-0002-1504-8256>
pavelsandler67@gmail.com

Abstract: The article describes the lexical and semantic features of religious texts of extremist and terrorist status. The research featured audio recordings of ISIS-Khorasan members. These texts contained linguistic means that assist in shaping and spreading the ideology of terrorism in religious discourse. The author designed an integrated approach to the analysis of the lexical and semantic structure of an extremist and terrorist religious text. It was the first-of-its-kind analysis of extremist vocabulary in Farsi and Dari, which opens up new counter-terrorism prospects. The lexical and semantic indicators of extremism were systematized based on their ideological conditionality, as well as specific evaluative and pragmatic orientation. The mechanisms included axiological inversion when an inherent negative connotation was transformed into an adherent positive one by sacralization or glorification. Another mechanism could be described as adherent negative labeling of neutral lexical units through dehumanization of ethnonyms or politonyms. Lexical units served as subjects and objects of terrorist action for mobilization and demonization. The list of manipulative linguistic strategies involved manipulating the lexical meaning, creating specific semantic fields, and using evaluative vocabulary. Such strategies lead to a distorted worldview that justifies violence and encourages radical identity. The abovementioned lexical and semantic indicators can be used to design new effective methods to counter extremist ideology.

Keywords: discourse, ideology, extremism, terrorism, rhetoric of extremism and terrorism, lexical and semantic indicators, audio recordings, Farsi, Dari

Citation: Sandler P. V. Lexical and Semantic Markers in Extremist and Terrorist Religious Texts: Audio Recordings of ISIS Members. *Virtual Communication and Social Networks*, 2025, 4(4): 329–343. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-4-329-343>

Received 17 Oct 2025. Accepted after review 10 Nov 2025. Accepted for publication 12 Nov 2025.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена возрастающей угрозой экстремизма и терроризма в современном мире, а также необходимостью разработки эффективных методов противодействия распространению радикальной идеологии. В условиях глобализации и развития информационных технологий террористические организации активно используют различные каналы коммуникации, в том числе интернет-ресурсы и аудиозаписи, для пропаганды своих идей и привлечения новых сторонников. Цель – проанализировать языковые средства, используемые для формирования и распространения идеологии терроризма в религиозном дискурсе. Анализ языковых особенностей риторики экстремизма и терроризма (далее – РЭТ), представленной

в аудиозаписях членов запрещенных организаций, позволяет выявить ключевые механизмы манипулирования сознанием и формирования радикальной идентичности, что имеет важное значение для разработки контрпропагандистских стратегий и предотвращения террористических актов. Кроме того, исследование вносит вклад в изучение сложных взаимосвязей между языком, идеологией и насилием, что является важной задачей современной лингвистики и социолингвистики. Задачи:

1. Выявить и систематизировать лексико-семантические индикаторы РЭТ, функционирующей в фарсиязычном сегменте сети Интернет.
2. Проанализировать механизмы конструирования позитивных и негативных образов посредством манипулирования языковыми средствами в РЭТ.

² The Islamic State is recognized as a terrorist organization, whose activities are prohibited on the territory of the Russian Federation.

3. Определить роль семантических полей (*джихад*, *мученичество*, *враг*) в формировании радикальной идентичности и оправдании насилия в исследуемом дискурсе.

4. Исследовать стратегии дегуманизации *врага* посредством языковых средств, используемых в РЭТ.

Теоретической базой исследования послужили работы, посвященные анализу дискурса политической метафоры и идеологической составляющей языка [Голубева 2023; Дединкин 2022; Донской, Ильясов 2022; Заварзина 2023; Куршакова и др. 2023; Попович и др. 2020; Сандлер 2021; Тузиков 2011; Шейгал, Черватюк 2005; Шмигельская 2024; Chomsky 2006; Jackson 2002]. В частности, мы опирались на положения А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова, исследовавших русскую политическую метафору и ее роль в формировании общественного мнения и политической картины мира [Баранов, Караулов 1991]. Также важной для нашего исследования стала работа Т. А. Ван Дейка, посвященная анализу дискурса и власти, репрезентации доминирования в языке и коммуникации. Его концепции позволили рассмотреть, как язык используется для осуществления власти и влияния в политической сфере [Ван Дейк 2013].

При анализе идеологической составляющей дискурса мы опирались на статью С. Н. Генераловой, рассматривающей идеологические коннотативы как отражение идеологического кода в президентском дискурсе [Генералова 2012]. Кроме того, для понимания особенностей вербального воздействия в деструктивных коммуникативных практиках использовались работы Н. С. Громовой, посвященные анализу вербального экстремизма как формы речевого манипулирования адресатом [Громова 2016; 2024]. Также мы опирались на исследование Т. В. Романовой, которая проводит лингвистический анализ речевого экстремизма, выявляя языковые и речевые средства, используемые для манипуляции сознанием адресата [Романова 2012].

Научный труд Г. С. Мельник позволил систематизировать признаки экстремистских проявлений в текстах, содержащих негативные оценки в отношении различных социальных групп [Мельник 2016]. Особое значение в теоретической базе исследования приобретает работа Е. Е. Хазимуллиной и Ю. С. Фоминой по лингвистической экспертизе текстов с имплицитным содержанием, в которой они обосновывают необходимость методов, позволяющих выявлять сознательное вуалирование истинного смысла, характерное для религиозных текстов

экстремистско-террористической направленности [Хазимуллина, Фомина 2019]. В контексте нашего исследования, затрагивающего не только смысловую глубину, но и направленность воздействия, мы также учитывали подходы, предложенные Э. П. Лаврик, которые раскрывают систему языковых средств выражения адресованности в дискурсе. Анализ этих средств помогает понять, как в экстремистских текстах формируются образы адресанта и адресата и как осуществляется целенаправленное прагматическое воздействие на аудиторию [Лаврик 2024]. Кроме того, мы учитывали подходы, предложенные Е. И. Галяшиной и В. Д. Никишиным в контексте формирования компетенций в сфере противодействия идеологическому экстремизму, что позволило рассмотреть проблему с точки зрения практического применения лингвистических знаний в юридической сфере [Галяшина, Никишин 2020].

В контексте растущей угрозы экстремизма и терроризма особую актуальность приобретают исследования, направленные на разработку эффективных методик диагностики и мониторинга экстремистского контента [Казберов 2023; Терентьева 2023]. Несмотря на значительные достижения в области лингвистической экспертизы и форензики, проблема оперативного и систематического выявления специфических маркеров радикальной идеологии в постоянно меняющемся языковом пространстве остается одной из ключевых. Настоящее исследование фокусируется на идеологической маркировке лексических единиц в конкретных религиозных текстах экстремистско-террористической направленности и вносит вклад в понимание основополагающих языковых механизмов формирования и распространения радикальных идей.

Теоретическая значимость статьи заключается в том, что результаты исследования:

- 1) могут служить эмпирической и теоретической базой для дальнейшей разработки автоматизированных и экспертных методик диагностики экстремистского контента, предлагая четкие лингвистические критерии для идентификации подобных материалов;
- 2) вносят вклад в развитие когнитивной лингвистики, дискурс-анализа и политической лингвистики, расширяя представления о языковых механизмах формирования идеологизированной картины мира и воздействия на сознание аудитории;
- 3) позволяют уточнить существующие модели анализа и классификации языковых средств, используемых для продвижения радикальных идеологий;

4) могут быть использованы для разработки новых теоретических подходов к изучению дискурса экстремизма и терроризма.

Практическая значимость статьи заключается в потенциале создания эффективных инструментов противодействия распространению экстремистской идеологии. Выявленные языковые маркеры террористического дискурса могут быть использованы при создании автоматизированных систем мониторинга и анализа интернет-контента, направленных на выявление материалов с признаками экстремизма и терроризма. В дополнение к этому результаты исследования позволят сформулировать методические рекомендации по созданию контр-пропагандистских материалов и стратегий, основанных на учете лингвистических особенностей террористического дискурса.

Методы и материалы

Материалы – аудиозаписи членов организации «ИГИЛ-Хорасан», выявленные в сети Интернет в 2016 и 2018 гг., а также архив Федеральной службы безопасности РФ в г. Екатеринбурге. Для углубленного анализа отобрано 16 аудиозаписей, из них 5 на русском, 8 на фарси и 3 на дари. Все представленные для анализа материалы носят религиозный характер и являются проповедями. Под *проповедью* мы понимаем публичное выступление, ориентированное на воззвешение и интерпретацию религиозного учения, а также на стимулирование соответствующих эмоциональных состояний и моделей поведения у аудитории. Основной целью такого выступления является формирование у слушателей понимания основополагающих жизненных принципов и конструирование системы ценностей в соответствии с догматами религиозного учения.

Анализ аудиозаписей позволяет установить, что основной религиозно-мировоззренческой группой, от имени которой ведется повествование, являются мусульмане. Данное заключение подтверждается активным использованием исламской религиозной лексики арабского происхождения, а также тем, что проповедники, обращаясь к мусульманской аудитории, предлагают собственную интерпретацию ключевых положений исламского вероучения. Продолжительность каждой аудиозаписи варьируется от 30 минут до 1 часа.

Использованы следующие методы:

I. Теоретические: метод теоретического, концептуального, контекстуального, компонентного анализа; метод моделирования; дискурсивный анализ.

II. Эмпирические: метод сплошной выборки, количественного и качественного, а также лингвистического анализа; метод дискурс-анализа.

III. Интерпретативные: интерпретативный анализ; метод критического анализа.

Для удобства анализа и интерпретации аудиозаписей на фарси и дари в процессе их транскрипции была применена кириллическая графика. Данный выбор обусловлен следующими факторами: а) основной состав исследовательской группы владеет русским языком и имеет опыт работы с кириллическими текстами; б) использование кириллицы позволило избежать сложностей, связанных с транслитерацией персидской графики и сохранить фонетическую точность передачи информации; в) кириллическая транскрипция облегчает сопоставительный анализ материала на разных языках (фарси, дари, русский) и выявление общих лингвистических закономерностей.

Результаты

В лингвистике террористический дискурс рассматривается как комплексное коммуникативное явление, представляющее собой «совокупность деструктивно-девиантных высказываний, характеризующихся насильственным диктатом, анонимностью, симулятивностью» [Кафтан, Найдина 2013: 225]. При этом насильственный диктат отражает императивный и безапелляционный характер транслируемых сообщений, которые направлены на исключение альтернативных интерпретаций и навязывание определенной идеологической парадигмы. Анонимность в данном контексте служит не только для защиты продуцентов дискурса, но и для создания эффекта всеобъемлющей, неперсонифицированной угрозы, затрудняющей идентификацию источника и, как следствие, противодействие ему. Симулятивность проявляется в конструировании искаженной или ложной реальности, манипулировании фактами и создании фиктивных образов, призванных дезориентировать аудиторию и обогнать деструктивные действия.

Таким образом, террористический дискурс представляет собой многомерный феномен, сочетающий идеологическое, психологическое и лингвистическое воздействие. Отличительными чертами данного дискурса являются использование иррациональных языковых средств, которые приводят к искажению реальности и формированию двойственных оценок террористических актов, а также применение морально неоднозначных

социальных технологий, направленных на легитимацию террористической политики и манипулирование общественным мнением [Там же: 225]. Учеными подчеркивается неразрывная связь идеологии и дискурса, оказывающая значительное влияние на формирование дискурсивных практик, в том числе на структуру дискурса, который отражает общественное мнение [Там же: 223].

В рамках статьи анализ аудиозаписей участников ИГИЛ представляет собой значимый пример реализации террористического дискурса. Основная функция данных аудиозаписей заключается в реализации интенции террористического дискурса – оказании воздействия на адресата и формировании у него убежденности в правоте транслируемых идей. Так, в аудиозаписях выявляются вербальные маркеры, которые указывают не только на социально деструктивный характер коммуникации, но и на масштаб террористической угрозы. Подобные языковые инструменты, выполняющие функцию индикатора определенной идеологии [Генералова 2012: 141], выступают в аудиозаписи как элементы репрезентации идеологического кода.

Дискурс, понимаемый как коммуникативное событие, разворачивающееся в определенном социальном контексте, представляет собой многомерное смысловое пространство, формируемое средствами различных языковых уровней [Громова 2024]. Лексика, грамматика и стилистика, взаимодействуя друг с другом, обеспечивают не только передачу информации, но и конструирование социальных идентичностей, выражение идеологических установок и реализацию коммуникативных намерений [Маслова 2021]. Следовательно, анализ дискурса требует учета не только лингвистических характеристик, но и социальных, культурных и политических факторов, которые влияют на формирование смысла [Тиллоева 2023]. Взаимодействие этих уровней обеспечивает формирование когерентного и связного сообщения, наделенного определенным смыслом и идеологической направленностью. Анализ дискурса, таким образом, требует комплексного подхода, учитывающего как лингвистические, так и экстралингвистические факторы, влияющие на формирование и интерпретацию смысла.

В результате анализа лексической структуры исследуемых аудиозаписей было установлено, что ключевые вербальные знаки, которые характеризуются определенной семантической и функциональной спецификой, выступают в качестве индикаторов религиозного текста экстремистско-террористической направленности.

Например:

- наименования видов террористических актов и их особенности:

(1) на дари: *Эй, чавонони ғуюри исломи, биеед, вақти он расидае, ки қонуни Оллоҳро дар сарзамини Оллоҳ нафас бигардонему ва чашими сияро баланд карда ва ханҷари умаро ба синаи душман бикӯбем / Ревностные юноши ислама, настало время на земле Аллаха установить законы Аллаха. Настало время поднять черное знамя и вонзить кинжалы уммы³ в сердца врагов⁴;*

(2) на русском языке: *Мы захватим ваш Рим, сломаем ваш крест, возьмем в наложницы ваших женщин;*

(3) на русском языке: *отрубайте им головы, не давайте им покоя; преврати их жизнь в ужас;*

- субъекты террористического действия:

(4) на фарси-таджикском⁵: *Давлати Исломӣ боқи мемонад, зеро ки киштии наҷоти муваҳҳидин аст / Исламское государство не исчезнет – оно спасительный круг, единственная надежда для муваххидинов;*

(5) на русском языке: *Радуем моджахедов объявлением Исламского государства в Хорасане. Поистине, моджахеды Халифата, вы выполнили все условия для провозглашения вилоятов в Хорасане.*

(6) на русском языке: *Мы призываем всех единобожников в Хорасане присоединиться к каравану Халифата;*

- субъекты, на которые направлено террористическое действие:

(7) на русском языке: *Американцы и европейцы, воистину Исламское государство не начинало с вами войну... Вы первые начали агрессию против нас, а зачинщик более несправедлив, вы заплатите высокую цену.*

³ Умма – всемирная мусульманская община.

⁴ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи, выделено автором.

⁵ Относительно языковой принадлежности следует отметить, что мы, придерживаясь позиции российских иранистов В. С. Расторгуевой и М. Н. Боголюбова, будем использовать в статье термин *фарси-тоҷики / персидско-таджикский, фарси-таджикский*.

Более подробно рассмотрим приведенные индикаторы религиозного текста экстремистско-террористической направленности.

Наименования видов террористических актов и их особенности

В примере (1) *вонзить кинжалы уммы в сердца врагов* представляет собой фразеологизм, который прямо указывает на акт жестокого физического насилия. *Кинжалы* – лексема, обозначающая холодное оружие ближнего боя, символизирует непосредственное, личное и кровопролитное насилие. Использование термина *умма* приписывает коллективную, сакрализованную ответственность за насилие, трансформируя индивидуальный акт в «священную» миссию. *Сердца врагов* метафорически обозначает самые уязвимые, жизненно важные части тела, а также центр идентичности и воли. *Вонзить в сердца* значит не просто убить, а уничтожить саму суть, сломать дух. Употребление данного выражения указывает на акты прямого убийства, казни, жестокой расправы, часто с элементами ритуальности или демонстративности, направленные на физическое уничтожение противника и подавление его воли, включающее индивидуальные убийства, массовые казни или атаки с применением холодного оружия, цель которых – не только смерть, но и устрашение.

Пример (2) является крайне насыщенным источником лексических индикаторов, описывающих различные, зачастую варварские, виды террористических действий. Так, в высказывании *захватим ваш Рим* глагол *захватим* прямо указывает на акт военного вторжения и оккупации территории. Местоимение второго лица *ваш* и топоним *Рим* используются не только для обозначения географической цели, но и как символ западной цивилизации, христианства (католического) и исторического противника. Таким образом, захват Рима символизирует полное доминирование и уничтожение культурно-религиозного оппонента.

Разрушение креста (*сломаем ваш крест* в примере (2)) символизирует религиозную десакрализацию, унижение, уничтожение веры и культурной идентичности противника. Прямым указанием на сексуальное рабство, похищение и насильственное удержание женщин служит *возьмем в наложницы ваших женщин*.

В примере (3) присутствует императивная форма глагола, эксплицитно призывающая к акту обезглавливания (*отрубайте им головы*). Она представляет собой одну из самых жестоких и демонстративных

форм казни, широко используемую экстремистскими группами для устрашения. Такие выражения, как *не давайте им покоя и превратите их жизнь в ужас*, описывают не единичные акты, а состояние постоянного психологического и физического давления, системного террора [Беляева 2024]. Цель – деморализовать и сломать противника, создав атмосферу всепроникающего страха.

Данные примеры демонстрируют широкий спектр лексико-семантических индикаторов, описывающих агрессивные, насильственные и дегуманизирующие действия. Они охватывают военное завоевание, физическое уничтожение, сексуальное рабство, религиозный и культурный террор, а также системное психологическое воздействие. Речь членов ИГИЛ отличается особой жестокостью и прямым указанием на совершение актов, однозначно квалифицируемых как террористические.

Субъекты террористического действия

Исламское государство (ИГ) в примере (4) представлено не просто как группа, а как квазигосударственное образование, которое не исчезнет (*боқи мемонад*), т.е. обладает суверенитетом и долговечностью. Оно является организующим и легитимирующим центром всех действий. Такие метафоры, как *спасительный круг*, или *корабль спасения (киштии начоти)*, *единственная надежда для муваххидинов (зеро ки киштии начоти муваххидин аст)* наделяют ИГ мессианской функцией, позиционируя его как единственного спасителя «истинных верующих», что обосновывает его абсолютную власть и право на любые действия, включая насилие. Здесь же встречается лексема *муваххидинов*, обозначающая тех, кто верит в единого Бога – Аллаха. В контексте экстремистской риторики этот термин используется для обозначения эксклюзивной группы «истинных» мусульман, которые признают идеологию ИГИЛ и являются ее опорой. Данная группа включает пассивных (получатели «спасения») или потенциальных активных участников.

В примере (5) Халифат как синоним ИГ выступает в качестве идеологической и организационной основы, которая концептуализирует, планирует, санкционирует и координирует террористические действия. Он выступает в роли высшего субъекта, отдающего приказы и обеспечивающего идеологическое оправдание для своих исполнителей, и несет ответственность за общую стратегию террора.

Пример (6) идентифицирует целевую аудиторию для рекрутинга и мобилизации. Единобожники

здесь – потенциальные сторонники, которых призывают стать активными участниками и присоединиться к действиям Халифата.

В представленных примерах присутствует наиболее прямой индикатор активного субъекта террористического действия – муваххидины и моджахеды. Под последними понимаются воины-джихадисты, непосредственные исполнители насилия. Их восхваление в примере (5) (*радуем моджахедов, вы выполнили все условия*) служит поощрением и прославлением совершаемой ими деятельности. Также привязка к Халифату (*моджахеды Халифата*) подчеркивает, что их действия санкционированы и являются частью более широкой «государственной» или «религиозной» стратегии.

Таким образом, субъекты террористического действия представлены многоуровнево:

1) верховный субъект-организатор: ИГ, или Халифат, – центральная идеологическая и организационная структура, легитимирующая и направляющая террор;

2) активные исполнители: моджахеды – непосредственные боевики, реализующие акты насилия;

3) целевая аудитория / потенциальные участники: муваххидины, или единобожники, – верующие, которых призывают к присоединению и поддержке, тем самым расширяя базу субъектов действия.

Данные лексические единицы не просто называют группы, но и идеологически маркируют их, возвышая одних (ИГ, Халифат, моджахеды) и призывая других (муваххидины) к активному или пассивному участию в террористической деятельности.

Субъекты, на которые направлено террористическое действие

Американцы и европейцы, обозначенные в примере (7), прямо представлены как единый враждебный блок. Здесь происходит обобщение и коллективизация противника по географическому и культурно-цивилизационному признаку, что облегчает его дегуманизацию. Фрагмент *Вы первые начали агрессию против нас, а зачинщик более несправедлив* является ключевым для понимания риторики ИГИЛ. Здесь используются приемы перекладывания вины и создания образа жертвы. ИГИЛ утверждает – не оно является инициатором конфликта, а *Американцы и европейцы*, что позволяет оправдать свои террористические действия как ответ или возмездие, легитимизировать насилие в глазах своих сторонников, представляя его как справедливую ответную агрессию

против зачинщика, который несправедлив. *Вы заплатите высокую цену* выступает как прямая угроза и предсказание возмездия, которое указывает на будущие акты насилия, направленные на названных субъектов.

Риторика примера (7) четко позиционирует американцев и европейцев как объект ответного или возмездного действия. По версии экстремистов, они не просто пассивные жертвы, а те, кто спровоцировал конфликт и теперь должен понести наказание. Таким образом, лексемы *американцы* и *европейцы* функционируют в качестве маркеров цели или мишени для террористических атак, которые в нарративе ИГИЛ представлены как справедливый ответ.

При анализе семантики выделенных лексических единиц обнаруживается сложная и многоуровневая структура, включающая ядровые и периферийные семы. Ядровые семы, представляющие собой инвариантное ядро значения, обеспечивают его устойчивость и однозначность. Периферийные семы, напротив, характеризуются вариативностью и контекстуальной обусловленностью, отражая потенциальные смысловые оттенки и коннотации, которые могут актуализироваться в зависимости от конкретного дискурсивного окружения. Выявление и анализ ядровых и периферийных сем позволяет реконструировать глубинные механизмы формирования смысла и интерпретации.

Анализ структуры дискурса в исследуемых аудиозаписях выявил две взаимосвязанные доминантные характеристики: жесткую идеологизированность и отчетливую однонаправленную оценочность. Жесткая идеологизированность означает, что содержание аудиозаписей подчинено догматам и целям идеологии терроризма, а не стремлению к объективному или нейтральному отражению действительности. Отчетливая однонаправленная оценочность, в свою очередь, выражается в том, что все явления, события и понятия оцениваются исключительно с точки зрения соответствия или несоответствия этой идеологии, формируя бинарную оппозицию *свой – чужой* и исключая возможность альтернативных интерпретаций.

В рамках лингвистического исследования дискурсивных формаций, которые характеризуются ярко выраженной идеологической направленностью, важно проанализировать влияние доминирующей идеологии на структуру значений ключевых лексических единиц. В частности, идеологическое воздействие может быть прослежено на следующих уровнях:

1. Денотативный: происходит трансформация объективного значения, в результате чего лексическая единица начинает отражать не реальность, а ее идеологически сконструированный образ, соответствующий определенной системе ценностей и убеждений.

2. Эмотивный: лексическая единица приобретает эмоционально-оценочную окраску, которая не является нейтральной, а выражает идеологически обусловленное отношение к обозначаемому объекту или явлению, формируя у адресата определенные чувства и оценки.

3. Языковой: структурные связи и отношения между лексическими единицами в системе языка используются для усиления идеологического воздействия, создания определенного эффекта убеждения и манипулирования сознанием.

4. Эмпирический: чувственно-образные представления о предметах и явлениях формируются не на основе непосредственного опыта, а под влиянием идеологических стереотипов и установок, что приводит к искаженному восприятию реальности [Громова 2024].

В ходе анализа языкового материала было выявлено, что значительное количество лексических единиц обладает свойством указывать на принадлежность обозначаемой реалии к конкретной политической или религиозной группе. Данная характеристика реализуется посредством включения в денотативное значение сем, маркирующих принадлежность к определенной идеологической системе, что способствует формированию субъективного и оценочного восприятия соответствующего объекта. Указанное препятствует критическому осмыслению ситуации и укрепляет приверженность к заданной идеологической позиции.

(8) *Обращаемся к тем, кого обманули, кто верит в исчезновение **Исламского государства**. Мы обращаемся к вам: «Волей Аллаха **Исламское государство** пребудет вечно. Оно не исчезнет, ибо является прямым путем, указанным нам свыше. Оно сохранится, пройдя через горнило испытаний, проявив несгибаемую стойкость, как заведено Аллахом. Оно устоит, ибо перемены, что произошли в нем, не прервутся, но будут терпеливо и верно продолжаться. Оно – защита народа, охваченного ужасом и страхом. Оно – надежда узников в тюрьмах безбожников. Оно не исчезнет, ибо мы не жалеем своих жизней в борьбе с неверными.*

Так, механизм надления устойчивого выражения *Исламское государство* идеологически окрашенными семами реализуется посредством семантической аккреции (накопления значений) через систематическую предикацию. Эта предикация осуществляется путем приписывания объекту следующих аксиологически и сакрально нагруженных дескрипторов:

- атрибут вечности и незыблемости: *пребудет вечно; не исчезнет; сохранится; устоит.*
- атрибут божественной легитимности: *Волей Аллаха; является прямым путем, указанным нам свыше; как заведено Аллахом.*
- атрибут мессианской функции: *защита народа; надежда узников.*

Таким образом, многократное повторение устойчивого выражения в сочетании с данными предикатами трансформирует его из нейтрального политического наименования в идеологически насыщенный концепт, который в дискурсе экстремистов приобретает сему богоугодности, непобедимости и исключительной праведности.

Ключевым элементом примера (8) является включение в денотативное значение лексем сем, четко маркирующих принадлежность к определенной идеологической системе. Слова используются не только для обозначения объектов, но и для их идеологической категоризации. Так, фраза *Исламское государство* не просто обозначает географическую территорию или политическое образование, но и является маркером приверженности к определенной интерпретации ислама и определенной политической программе. Использование такой идеологически маркированной лексики способствует созданию четкой дихотомии *свой – чужой*: принадлежность к ИГ противопоставляется тем, кто «обманут» и верит в исчезновение этого образования. Как следствие, формируется эффект *мы-группы*, объединенной общей верой и целью, и *они-группы*, заблуждающейся и враждебной.

Также пример (8) насыщен такими эмоционально окрашенными выражениями, как *защита народа, охваченного ужасом и страхом; надежда узников в тюрьмах безбожников; не жалеем своих жизней в борьбе с неверными*. Данные выражения призваны вызвать сильные эмоции у целевой аудитории – чувство страха, надежды, гнева – и укрепить их приверженность идеологии ИГ. Утверждения о том, что *Исламское государство пребудет вечно*, что это *прямой путь, указанный нам свыше*, оно *сохранится, пройдя через горнило испытаний*,

создают нарратив избранности и предопределенности. Это укрепляет веру сторонников в неизбежность победы и придает им уверенность в правоте своего дела. Помимо этого, используется религиозная лексика (*Волей Аллаха, завещано Аллахом*), чтобы придать этим утверждениям дополнительный вес и авторитет.

Подобные семантические компоненты могут быть и ядерными, явно выраженными, и периферийными, или вероятностными. К явным компонентам относится прямое указание на ИГ. Периферийные компоненты могут быть более тонкими и контекстуально зависимыми: использование определенных терминов, которые ассоциируются с конкретной идеологией, даже если прямо об этом не говорится. Это позволяет дискурсу быть более гибким и адаптироваться к различным аудиториям и контекстам.

Пример (8) показывает, как язык используется не только для передачи информации, но и для формирования идентичности, конструирования картины мира и оправдания насилия. Идеологическая маркировка лексики, создание оппозиций *свой – чужой*, усиление эмоционального воздействия, нарратив избранности и субъективное восприятие – все эти элементы работают вместе, чтобы создать мощный инструмент идеологического воздействия. Исследование этих механизмов является важным шагом в понимании того, как функционирует экстремистский дискурс и как ему можно противодействовать.

Анализ семантической организации ключевой лексики в исследуемых аудиозаписях выявил, что эмотивный компонент отражает систему социальных оценок, предопределенную идеологическими установками. Эмпирические данные показывают, что формирование идеологически нагруженных оценочных сем происходит под воздействием идеологически детерминированных денотативных сем, что определяет их аксиологическую направленность. На основании характера оценочной составляющей лексический состав аудиозаписей может быть дифференцирован на две категории:

I. Лексемы с позитивной коннотацией, которые репрезентируют понятия, составляющие основу идеологической системы и определяющие ее ценностные ориентиры, например: *джихад, устрашение, насилие, террор, убийства* и др.

В общелитературном и гуманистическом дискурсе лексемы *устрашение, насилие, террор* обладают выраженными ингерентными негативными

коннотациями, ассоциирующимися с разрушением, страданием и нарушением прав человека. Однако в рамках идеологического дискурса ИГИЛ наблюдается процесс аксиологической инверсии (или реверсии), при которой изначально негативные явления переосмысливаются и реконструируются в позитивном ключе с точки зрения внутренней логики и ценностной системы экстремистской группы. Так, *устрашение, насилие, террор* преподносятся не как самоцель или преступление, а как богоугодные, справедливые и необходимые средства для достижения «высших» целей – установления «истинного исламского порядка» (Халифата), борьбы с «неверными» и «врагами Аллаха». Насилие воспринимается как выполнение божественного предписания (джихада), акт поклонения Аллаху, способ заслужить рай. Участие же в актах насилия представляется как высшая форма мужества, самопожертвования и верности идеалам, а «мученики» (шахиды) провозглашаются героями. Таким образом, в специфическом контексте ИГИЛ эти лексемы перестают обозначать просто акты жестокости; они нагружаются адгерентной позитивной коннотацией успеха, праведности и заслуженной победы над врагом, представляя для сторонников не зло, а необходимое благо или божественное орудие.

II. Лексемы с негативной коннотацией, обозначающие понятия, враждебные террористической идеологии, например: *безбожники, крестоносцы, яхуды (евреи), крестоносцы-ненавистники, американцы, англичане, союзники из числа муртадов, рафидитов и безбожников и другие враги Аллаха*.

Лексемы *американцы, европейцы, англичане*, в отличие от лексем категории I, являются нейтральными этнонимами / политонимами с ингерентной нейтральной коннотацией, но в дискурсе ИГИЛ приобретают резко негативную адгерентную коннотацию за счет систематической ассоциации с образом врага, зачинщика агрессии, крестоносцев, безбожников, оккупантов, врагов ислама. Они представляются как коллективный, безличный противник, лишенный индивидуальных прав и достоинства, достойный уничтожения. Их действия интерпретируются исключительно в негативном свете (*первые начали агрессию, заплатите высокую цену*). Адгерентная негативная коннотация усиливается за счет их использования в контексте угроз, обвинений и призывов к насилию, трансформируя их из нейтральных наименований в маркеры абсолютного зла и легитимные мишени для агрессии в идеологической системе ИГИЛ.

Таким образом, анализ адгерентного характера оценочных коннотаций в экстремистском дискурсе требует учета не общепринятой, а специфической аксиологической системы, в которой происходит переоценка и инверсия значений. Этот механизм является одним из ключевых инструментов формирования радикалистской идеологии и мобилизации сторонников.

Представленная дифференциация лексического состава на категории с позитивной и негативной коннотацией является характерной чертой идеологически ангажированных дискурсов, в том числе дискурса РЭТ. Так, вокруг понятия *джихад* формируется семантическое поле, включающее лексемы *мученик, победа, справедливость*. Это создает положительный образ джихада как богоугодного дела, ведущего к спасению и установлению справедливости. Понятие *враг* характеризуется лексемами *безбожник, предатель, убийца*. Это формирует негативный образ врага как аморального и опасного элемента, подлежащего уничтожению. Для усиления оценочного воздействия используются метафоры, представляющие врагов как ослов, собак, волков, например: *О, Обама – осел яхудов, убирайся прочь, ты потерпел неудачу*, а джихад описывается как *священная война, путь к освобождению*. Скрытая идеологическая импликация заключается в утверждении превосходства ислама над другими религиями, оправдании насилия в отношении «неверных» и формировании чувства долга по защите исламских ценностей.

Семантическая организация лексической единицы в парадигматическом аспекте включает в себя сведения о ее системных связях, формирующихся в рамках определенного языкового пространства или семантической категории. В частности, это подразумевает анализ гипонимических, гиперонимических, синонимических и антонимических отношений, в которые вступает данная лексическая единица, а также ее связей с другими элементами лексико-семантического поля. В контексте исследования РЭТ особую значимость приобретает анализ парадигматических связей ключевых терминов и понятий, используемых в экстремистском дискурсе, т.к. данные связи могут отражать специфическую идеологическую интерпретацию реальности и формировать искаженное представление об определенных социальных группах или явлениях. Например, анализ синонимического ряда к слову *враг* в экстремистском дискурсе может выявить семантические нюансы, которые усиливают

негативную коннотацию и дегуманизируют объект ненависти.

Лексема *моджахед* и ее вариант *муджахед* в исследуемом дискурсе входят в синонимический ряд положительно коннотированных словесных знаков, репрезентирующих героический образ борца за веру: *воины Аллаха, львы Аллаха, мувахиддины – истинные мусульмане*. При этом необходимо учитывать, что каждый синоним несет в себе определенную идеологическую нагрузку. Например, *воины Аллаха* подчеркивает религиозную мотивацию, *львы Аллаха* – храбрость и силу, *мувахиддины* – приверженность к единобожию и чистоте ислама. Анализ этих нюансов позволяет понять, какие именно качества и ценности акцентируются в образе моджахеда. Формирование положительного образа моджахеда происходит на фоне противопоставления его врагам – *неверным, отступникам, предателям*. Исследование этих противопоставлений позволяет выявить механизмы дегуманизации врага и оправдания насилия в отношении него.

Анализ риторических приемов, используемых для героизации (метафоры, гиперболы, восхваления), позволяет понять, как формируется привлекательный образ борца за веру. Так, героизация моджахеда выполняет важную функцию привлечения новых сторонников и укрепления морального духа существующих членов организации. Героический нарратив включает истории о его подвигах, самопожертвовании и преданности идеалам. Этот нарратив формирует эмоциональную связь с аудиторией и укрепляет ее веру в правоту дела. Для оправдания насилия используется дегуманизация жертв, которые представляются как неверные, враги, предатели. Это позволяет снять с муджахеда моральную ответственность за их страдания и смерть.

Образ моджахеда часто мифологизируется, наделяется сверхъестественными способностями и связью с божественным. Анализ мифологических мотивов позволяет понять, как создается аура сакральности и непогрешимости вокруг этого образа. Так, эмпирический компонент лексемы *муджахид* в сознании носителей определенной идеологии соотносится с идеализированным образом доблестного и могущественного поборника справедливости, что контрастирует с объективным восприятием, ассоциирующимся с проявлениями насилия и террора. То есть в экстремистском дискурсе происходит намеренный разрыв между общепринятым значением данной лексемы

(борец, совершающий усилие на пути Аллаха) и его реальным воплощением (человек, совершающий насильственные действия, часто направленные против мирного населения). Это позволяет манипулировать сознанием аудитории, представляя насилие как нечто благое и оправданное.

Для смягчения негативного восприятия насилия используются эвфемизмы, представляющие муджахиду как *защиту веры, борьбу со злом, восстановление справедливости*. Это позволяет скрыть истинную природу действий и придать им более привлекательный вид. Идеализированный образ муджахиду связывается с высшими ценностями (вера, справедливость, свобода), что позволяет оправдать насилие в качестве средства достижения этих ценностей. Указанное создает моральную дилемму для аудитории, вынуждая ее выбирать между осуждением насилия и поддержкой благородных целей.

Синтагматический аспект семантики лексической единицы, определяемый в научной литературе как селективные признаки, конфигуративные характеристики, валентность сочетаемости и т.п., репрезентирует специфику ее лексической, синтаксической и фразеологической дистрибуции. Семантическая сочетаемость лексических единиц определяется наличием общих или совместимых компонентов в структуре их значений, а сочетаемость единиц, которые содержат антонимичные или взаимоисключающие семы, является неправомерной [Кунашев 2023]. Таким образом, лексемы, выделенные в исследуемых аудиозаписях и отличающиеся ярко выраженной положительной оценкой с позиции определенной идеологии, употребляются преимущественно в сочетаниях, вербализующих понятия, свойственные носителям данной идеологии. Это указывает на то, что синтагматические связи лексических единиц подвергаются идеологическому ограничению, сужая их сочетаемость рамками конкретной аксиологической системы. Например: *если он преуспеет, то будет жить победителем, а если будет убит, то осветит путь тем, кто после него уйдут к своему господу радостным шахидом... И те, кто после него узнают, что величие и достоинство бывают только в джихаде*. При этом лексические единицы, обозначающие чуждые терроризму явления, сочетаются с иными словесными единицами, например: *женоподобные пилоты, американские террористы, вооруженные племена (против вас собрались вооруженные племена, так и вы вооружайтесь против них)*.

Результаты анализа собственно языкового аспекта семантики ключевых лексических единиц, функционирующих в исследуемом дискурсе, позволяют утверждать о наличии высокой степени идеологической детерминированности, которая оказывает значительное влияние на устойчивость их синтагматических, парадигматических и стилистических свойств. Это означает, что идеологические установки и цели экстремистской или террористической организации оказывают существенное влияние на то, какие слова и выражения выбираются для использования, как они сочетаются друг с другом (синтагматика), какие синонимы и антонимы используются (парадигматика) и какой стилистической окраской они обладают. В частности, идеологическая детерминированность может приводить к сужению или расширению семантического объема лексических единиц, приписыванию им негативных или позитивных коннотаций, а также к использованию специфических стилистических приемов (метафор, эвфемизмов, гипербол) для усиления воздействия на аудиторию. Таким образом, анализ семантики ключевых лексических единиц позволяет выявить скрытые идеологические смыслы и механизмы манипулирования сознанием, используемые в экстремистском и террористическом дискурсе.

Представляется логичным, что лексические единицы, в семантической организации которых преобладают ядерные идеологически нагруженные семы (релевантные с точки зрения определенной идеологической системы), демонстрируют максимальную степень социальной опасности. Лексемы, содержащие периферийные идеологизированные семы, располагаются на промежуточной позиции в континууме социальной опасности, в то время как языковые знаки с вероятностными идеологизированными семами обнаруживают минимальный уровень социальной опасности. Отдельно следует отметить, что лексический уровень языка обладает наибольшим потенциалом для выявления признаков социально опасных явлений, в то время как синтаксический уровень в меньшей степени ориентирован на обнаружение подобных элементов.

Таким образом, использование указанных приемов свидетельствует о целенаправленном и структурированном характере дискурса, направленного на вербовку новых сторонников, поддержание идеологической преданности, а также на формирование определенного мировоззрения и оправдание насильственных действий.

Заключение

В рамках проведенного анализа были выделены и систематизированы такие лексико-семантические индикаторы, которые представляют деятельность сообщества (например, наименования видов террористических актов, охватывающие как военные действия, так и дегуманизирующие акты насилия), его членов (включая как верховных организаторов, так и непосредственных исполнителей и потенциальных рекрутов) и контрагентов (идентифицируемых как *коллективный враг*, *достойный возмездия*).

Особое внимание в ходе исследования было уделено механизмам аксиологической инверсии, благодаря которым лексемы с ингерентной негативной коннотацией (такие как *устрашение*, *насилие*, *террор*) приобретают адгерентную позитивную оценку в экстремистском дискурсе за счет их сакрализации и героизации. Также подробно рассмотрен механизм наделения ингерентных нейтральных лексических единиц (например, этнонимов *американцы*, *европейцы*) резко негативной адгерентной коннотацией через системную идеологическую маркировку как *врагов* и *агрессоров*.

Отдельно, для полного осмысления функциональной значимости, была выделена и проанализирована группа абстрактной религиозной терминологии, включающая такие лексемы, как *джихад*, *моджахеды*, которые в дискурсе экстремистской группы подвергаются радикальной семантической трансформации. Данная терминология, будучи изначально религиозными концептами, используется для сакрализации целей, легитимизации насилия, мобилизации сторонников и дегуманизации противников, выполняя ключевую роль в формировании мировоззрения, оправдывающего экстремистскую деятельность.

Таким образом, выявленные маркеры не просто описывают, но активно конструируют радикальную идеологию, формируя специфическое восприятие реальности и мотивируя к действию.

Языковой материал, используемый в риторике экстремизма и терроризма, представляет собой сложную систему, в которой лексические единицы намеренно наделяются идеологической нагрузкой. Посредством создания дихотомии *свой – чужой*, усиления эмоционального воздействия, конструирования нарративов избранности и субъективного представления реальности достигается формирование радикальной идентичности, легитимация насилия и препятствование критическому осмыслению. Выявленные механизмы манипулирования языком подчеркивают необходимость

дальнейшего углубленного исследования лингвистических особенностей экстремистского дискурса для разработки эффективных стратегий противодействия распространению радикальных идеологий. Анализ идеологической маркировки лексики, вариативности семантических компонентов и формирования субъективного восприятия позволяет более глубоко понять, как язык используется для конструирования искаженной картины мира и оправдания насилия.

Проведенный анализ показал, что экстремистский дискурс характеризуется намеренным искажением реальности и манипулированием сознанием аудитории. Ключевым механизмом является создание разрыва между общепринятым значением слов и их реальным воплощением, что позволяет представлять насилие как нечто благое и оправданное. Для достижения этой цели используются эфемизмы, апелляция к высшим ценностям, создание героического нарратива и дегуманизация жертв.

Разработанная методология анализа, интегрирующая принципы когнитивной и дискурсивной лингвистики, позволяет выявлять языковые индикаторы террористической направленности на различных уровнях языковой системы и в различных компонентах семантической структуры лексических единиц, функционирующих в исследуемом дискурсе. Полученные результаты свидетельствуют о деструкции традиционных морально-этических ценностей и активном конструировании специфической, идеологически ангажированной картины мира, свойственной террористическим организациям. Данная методология, которая продемонстрировала свою эффективность в анализе риторики экстремизма и терроризма, может быть успешно применена при исследовании иных дискурсивных формаций, в особенности тех, которые характеризуются повышенной социальной опасностью и содержат элементы экстремистской или террористической угрозы.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики обозначим:

- расширение эмпирической базы и углубление анализа различных аспектов террористического дискурса, в частности изучение особенностей функционирования террористического дискурса в различных социокультурных контекстах;
- анализ динамики террористического дискурса во времени (изучение эволюции языковых

средств и стратегий, используемых террористическими организациями), исследование роли мультимодальных элементов (изображений, видео, аудио) в создании и распространении террористической идеологии;

- сравнительный анализ террористического дискурса и других форм экстремистского дискурса (расистского, ксенофобского и т.д.) с целью выявления общих и специфических черт.

Реализация этих направлений позволит получить более полное и глубокое понимание механизмов формирования и распространения экстремистской

идеологии, что будет способствовать разработке эффективных стратегий противодействия терроризму и обеспечению национальной и международной безопасности.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М.: ИРЯ РАН, 1991. 193 с. [Baranov A. N., Karaulov Yu. N. *Russian political metaphor: Materials for the dictionary*. Moscow: RLI RAS, 1991, 193. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pvzsqj>
- Беляева Е. А. История слов «террор» и «терроризм» в русском языке (лексикографическое описание). *Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография*, ред. О. Н. Крылова. СПб.: ИЛИ РАН, 2024. С. 11–19. [Belyaeva E. A. The history of the words "terror" and "terrorism" in Russian (lexicographic description). *Modern Russian lexicology, lexicography, and linguistic geography*, ed. Krylova O. N. St. Petersburg: ILS RAS, 2024, 11–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ohkffn>
- Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с. [Van Dijk T. A. *Discourse and power*. Moscow: LIBROKOM, 2013, 344. (In Russ.)]
- Галяшина Е. И., Никишин В. Д. Формирование у магистров права компетенций в сфере противодействия идеологическому экстремизму с использованием комплексного юридико-лингвистического подхода. *Юридическое образование и наука*. 2020. № 2. С. 7–10. [Galyashina E. I., Nikishin V. D. Forming of LL.M.'s competencies in combating ideological extremism using a complex legal and linguistic approach. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka*, 2020, (2): 7–10. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hailrf>
- Генералова С. Н. Идеологические коннотативы как отражение идеологического кода в президентском дискурсе. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2012. Т. 7. № 2. С. 137–145. [Generalova S. N. Ideological connotations as the reflection of ideological code in presidential discourse. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2012, 7(2): 137–145. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pjvnpq>
- Голубева О. В. Язык для специальных целей как средство речевого воздействия. *Лингвистическое обеспечение военной деятельности. Теоретические и прикладные аспекты профессиональной деятельности военного переводчика: II Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 17 февраля 2023 г.)*. М.: ВУМО РФ, 2023. С. 75–86. [Golubeva O. V. Language for special purposes as a means of speech influence. *Linguistic support of military activities. Theoretical and applied aspects of the professional activity of a military translator: Proc. II All-Russian Sci.-Prac. Conf., Moscow, 17 Feb 2023*. Moscow: VUMO RF, 2023, 75–86. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/splmno>
- Громова Н. С. Вербальный экстремизм как форма речевого манипулирования адресатом. *Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: VI Всерос. науч.-практ. конф. (Ростов н/Д, 15 ноября 2016 г.)*. Ростов н/Д: Донское книжное издательство, 2016. Т. 6. С. 72–76. [Gromova N. S. Verbal extremism as a form of speech manipulation of the addressee. *Language and law: Relevant issues of interaction: Proc. VI All-Russian Sci.-Prac. Conf., Rostov-on-Don, 15 Nov 2016*. Rostov-on-Don: Donskoe knizhnoe izdatelstvo, 2016, vol. 6, 72–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xvzaqj>
- Громова Н. С. Категория «побуждение» как интегративный термин правового поля в контексте экспертной деятельности в сфере противодействия преступлениям экстремистской направленности. *Теория и практика общественного развития*. 2024. № 12. С. 227–333. [Gromova N. S. The category of "incitement"

as an integrative term in the legal field in the context of expert activities regarding the counteraction of extremist crimes. *Theory and Practice of Social Development*, 2024, (12): 227–333. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/tpor.2024.12.26>

- Дединкин А. Л. Языковые проявления экстремизма в аспекте национальных законодательств Российской Федерации и Республики Беларусь. *Полилингвальность и транскультурные практики*. 2022. Т. 19. № 1. С. 86–97. [Dedinkin A. L. Linguistic manifestations of extremism in the aspect of national legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 2022, 19(1): 86–97. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xoerog>
- Донской Д. Д., Ильясов Д. Б. К вопросу об экстремизме в Интернете: теоретические аспекты. *Право и государство: теория и практика*. 2022. № 4. С. 166–170. [Donskoy D. D., Ilyasov D. B. On the issue of extremism on the internet: Theoretical aspects. *Law and State: The Theory and Practice*, 2022, (4): 166–170. (In Russ.)] https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_4_166
- Заварзина Г. А. Языковые маркеры террористически окрашенного текста и методика их выявления. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология*. 2023. № 1. С. 30–39. [Zavarzina G. A. Language markers of terrorist-colored text and methods for their identification. *IKBFU's Vestnik. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, 2023, (1): 30–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ipjdab>
- Казберов П. Н. Актуальность профилактики ультраправых экстремистских настроений в обществе. *Закон и право*. 2023. № 1. С. 171–173. [Kazberov P. N. The relevance of the prevention of far-right extremist public sentiment. *Zakon i pravo*, 2023, (1): 171–173. (In Russ.)] https://doi.org/10.56539/20733313_2023_1_171
- Кафтан В. В., Найдина Т. В. Дискурсивные практики современного терроризма в информационно-коммуникативном пространстве. *Пространство и время*. 2013. № 3. С. 222–230. [Kaftan V. V., Naidina T. V. Discursive practices of contemporary terrorism in info-communicative space. *Space and Time*, 2013, (3): 222–230. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/phetme>
- Кунашев А. А. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: проблемы квалификации и отграничения от смежных и конкурирующих составов. *Уголовное право*. 2023. № 2. С. 25–37. [Kunashev A. A. Public calls for extremist activity: Problems of qualification and differentiation from related and competing elements of crimes. *Ugolovnoe pravo*, 2023, (2): 25–37. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/brajlx>
- Куршакова Т. Д., Рядчикова Е. Н., Схаляхова С. Ш. Языковые маркеры экстремизма, фашизма, нацизма: из практики судебных лингвистических экспертиз. *Казанская наука*. 2023. № 6. С. 27–33. [Kurshakova T. D., Ryadchikova E. N., Schalyachova S. Sh. Linguistic markers of extremism, fascism, nazism in compliance with forensic linguistic expertise. *Kazan Science*, 2023, (6): 27–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/txgjnw>
- Лаврик Э. П. Языковые средства создания поля адресованности в судебном дискурсе. *Вестник науки*. 2024. Т. 2. № 5. С. 514–518. [Lavrik E. P. Linguistic means of creating field of addressability in judicial discourse. *Vestnik nauki*, 2024, 2(5): 514–518. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xdwwfl>
- Маслова В. А. Через синергетический союз лингвистики с другими науками – к новым проблемам и направлениям. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2021. Т. 12. № 3. С. 823–847. [Maslova V. A. Through the synergetic union of linguistics and other sciences – to new challenges and directions. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2021, 12(3): 823–847. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mommlm>
- Мельник Г. С. Признаки экстремизма в сетевых текстах: лингвистический подход. *Конфликтология*. 2016. № 2. С. 254–259. [Melnik G. S. Criteria for identifying content extremist in networks text: Linguistic approach. *Konfliktologiya*, 2016, (2): 254–259. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/weaxyv>
- Попович О. А., Акоева И. Г., Оспанова У. А. Языковые средства манипуляции в политическом медиадискурсе. *Современное педагогическое образование*. 2020. № 11. С. 296–302. [Popovich O. A., Akoyeva I. G., Ospanova U. A. Linguistic means of manipulation in political media discourse. *Modern Pedagogical Education*, 2020, (11): 296–302. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gtedts>
- Романова Т. В. Словесный экстремизм: манипулятивные речевые технологии. *Журналистика и культура русской речи*. 2012. № 2. С. 56–67. [Romanova T. V. Verbal extremism: Manipulative speech technologies. *Zhurnalistika i kultura russkoj rechi*, 2012, (2): 56–67. (In Russ.)]

- Сандлер П. В. Специфика религиозных текстов экстремистско-террористической направленности (по материалам аудиозаписей канала «Истину не скрывать», запрещенного на территории Российской Федерации): Лингвистический и экстралингвистические аспекты. *Политическая лингвистика*. 2021. № 5. С. 184–190. [Sandler V. S. Specificity of religious texts of extremist and terrorist orientation (based on the materials of audio recordings of the channel "Truth cannot be hidden", banned on the territory of the Russian Federation): Linguistic and extralinguistic aspects. *Politicheskaya lingvistika*, 2021, (5): 184–190. (In Russ.)] https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_05_21
- Терентьева И. А. Некоторые вопросы предупреждения экстремизма и радикализма в России. *Юридическое образование и наука*. 2023. № 12. С. 31–35. [Terentyeva I. A. Some issues of prevention of extremism and radicalism in Russia. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka*, 2023, (12): 31–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/scnjim>
- Тиллова С. М. Лексические переводческие трансформации при переводе текстов экстремистско-террористической направленности (по материалам аудиозаписей). *Политическая лингвистика*. 2023. № 4. С. 184–190. [Tilloeva S. M. Lexical transformations in translating extremist-terrorist texts (based on audio recordings). *Politicheskaya lingvistika*, 2023, (4): 184–190. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/otdjkf>
- Тузиков А. Р. Концепция идеологии и идеологического дискурса в современной социологии – методология исследования социокультурных особенностей молодежного экстремизма в мировом пространстве. *Вестник Казанского технологического университета*. 2011. № 17. С. 222–229. [Tuzikov A. R. The concept of ideology and ideological discourse in modern sociology as a methodology for studying the socio-cultural features of youth extremism in the global space. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2011, (17): 222–229. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oivker>
- Хазимуллина Е. Е., Фомина Ю. С. Маркеры принадлежности материалов террористическим организациям (по результатам комплексной лингвистико-религиоведческой экспертизы). *Политическая лингвистика*. 2019. № 6. С. 197–204. [Khazimullina E. E., Fomina Yu. S. Markers for identification of terrorist organization texts (as a result of comprehensive linguo-religious expertise). *Politicheskaya lingvistika*, 2019, (6): 197–204. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26170/pl19-06-25>
- Шейгал Е. И., Черватюк Е. В. Власть и речевая коммуникация. *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. 2005. Т. 64. № 5. С. 38–45. [Sheygal Ye. I., Chervatiuk Ye. V. Power and discourse communication. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i iazyka*, 2005, 64(5): 38–45. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hsioit>
- Шмигельская Н. А. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом пропагандистском медиадискурсе (на примере русско-украинского конфликта). *Политическая лингвистика*. 2024. № 6. С. 161–169. [Shmigelskaya N. A. Linguistic markers of manipulation in the polarized political propaganda media discourse (based on the Russian-Ukrainian conflict). *Politicheskaya lingvistika*, 2024, (6): 161–169. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/glmezr>
- Chomsky N. *Language and mind*. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2006, 190. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511791222>
- Jackson R. *Writing the war on terrorism: Language, politics and counter-terrorism*. Manchester: Manchester University Press, 2005, 232.